

*О. Н. Яницкий,
доктор философских наук,
Институт социологии РАН*

Россия как общество всеобщего риска ¹

Два года назад я говорил с этой трибуны, что Россия является обществом риска, и дал некоторые его эмпирические характеристики. Сегодня, анализируя итоги прошедшего десятилетия, могу утверждать, что за эти годы Россия

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 97-03-04060.

как общество вступила в следующую фазу своей эволюции. Она стала обществом всеобщего риска.

Всеобщность понимается мною прежде всего как охват общества в целом. Действительно, сегодня по уровню рождаемости, смертности, продолжительности жизни, а также по частоте стихийных бедствий и катастроф Брянск, Иркутск и Сахалин не слишком отличаются один от другого. Далее, всеобщность — это всепроникающий характер производства рисков. Оно потеряло свой "точечный" характер. Вода, воздух, почва, среда жизнеобеспечения человека стали накопителями и распространителями рисков. "Побочные эффекты" ошибочных решений в прошлом все более детерминируют настоящее. Неважно, в какой сфере эти решения принимались: шоковая терапия, "обвальная приватизация" или принятие вовремя международного соглашения о нераспространении НАТО на Восток. В этом смысле рассматриваемый временной отрезок можно назвать десятилетием "карающих последствий" неразумных или отложенных решений.

Рассматриваемый период российской истории можно также именовать "десятилеткой безопасности". Нет такого ведомства или города, где бы не разрабатывались программы обеспечения безопасности — продовольственной, энергетической, военной и многих других. Это значит, что общество перестало считать развитие производства и благосостояние народа своими главными целями и все более сосредоточивалось на сбережении и защите быстро скудеющих материальных и интеллектуальных ресурсов. Это означает также, что за прошедший период произошла "нормализация" риска, риск стал всеобщим и неустранимым условием повседневной жизни.

Наконец, это было десятилетие "перемены знака": производство рисков все интенсивнее вытесняло производство общественных благ. Уровень жизни неудержимо падал, а теневой и криминальный капиталы росли, лекарства стали менее доступными, чем наркотики, государственные силовые структуры уже были не в силах защитить рядовых граждан от посягательств криминала и "частных" армий, стыдливо называемых незаконными формированиями, — теперь именно они устанавливают на местах закон и порядок. На инвестиции в производство и науку у государства нет денег, но миллиарды долларов ушли за границу или были вложены в роскошь резиденций и дач высших государственных чиновников. Политики и общество перестали интересоваться и обсуждать программы экономических и социальных преобразований России. Политические убийства, компромат и грязные технологии выборов — вот фокус современного политического дискурса.

Необходимость развития теоретического инструментария

Как же на все эти перемены реагируют общественные науки? Это тема отдельного разговора, но две тенденции достаточно очевидны. Во-первых, политические науки, точнее, политический анализ текущих событий занял господствующие высоты, оттеснив другие общественные дисциплины. Во-вторых, аналитический инструментарий, особенно в социологии, практически не изменился. Как и десятилетие назад, большинство отечественных обществоведов оперирует привычными понятиями кризисов и конфликтов, отставания, откатов, ошибочных решений и т.п.

Поставим вопрос ребром: не является ли введение новых понятий (риски, риск-рефлексия, рефлексивность) в аппарат теоретической социологии своего рода "умножением сущностей", т.е. избыточным, излишним? Нельзя ли с помощью уже устоявшегося понятийного аппарата социологии, его рекомбинации или адаптации к российским условиям, уловить сущность интересующего нас явления?

Остановимся для начала на наиболее близком, казалось бы, понятии — кризис. Кризис несомненно может трактоваться как результат воздействия многих рисков (опасностей), равно как и пренебрежения ими. Но кризис как состояние общества не раскрывает механизма производства рисков. Социальный конфликт как столкновение сил, — экономических или политических интересов, ошибочных решений и т.п. — это опять же некоторое состояние, результат. Можно, конечно, говорить о "воспроизводстве" рисков в ходе развития конфликта, однако данное понятие не позволяет раскрыть суть проблемы производства рисков, последнее является гораздо более фундаментальным, если угодно, субстанциональным. Сказанное справедливо и по отношению к таким фундаментальным понятиям социологии, как социальный порядок и социальные изменения. Несомненно, нарушение социального порядка — источник социогенных рисков, а социальные изменения, особенно революции и другие сдвиги радикального свойства; — суть мощные генераторы социальных и иных рисков. И наоборот, риски, порождаемые и накапливаемые в ходе функционирования некоторой социальной системы, могут провоцировать негативные социальные изменения и геополитические сдвиги. Но опять же, связь производства рисков с производством общественных благ остается в тени.

"Отклоняющееся поведение", "ценностный вакуум", "отчуждение", "аномия" — эти и родственные им понятия содержат в себе понятие риска как бы в скрытом, свернутом виде, как причину или

следствие названных состояний и процессов, но содержат именно в качестве подчиненного момента или побочного результата, а не социальной субстанции — всеобщей и неустранимой.

На этом фоне кажется удивительным, что понятие риска и опасности чрезвычайно широко используется в обыденной жизни. Можно смело утверждать, что риск-рефлексии индивида, группы, профессионального или территориального сообщества по поводу их собственного поведения или контекста, в котором оно осуществляется, являются неотъемлемым моментом планирования и структурирования деятельности этих социальных субъектов. В чем же здесь дело?

Представляется, что отечественная социология была весьма мало озабочена изнанкой и теневой функцией процесса общественного производства, равно как и их социальной "ценой". Далее, норма и патология этого производства, включая производство социальное, изучались обособленно и различными дисциплинами. ИмPLICITно предполагалось, что социальная патология всегда может быть "конвертирована" в норму средствами общественного принуждения (исправительные учреждения) или социальной терапии (целенаправленной адаптацией, реабилитацией) или же эта патология может быть локализована и вытеснена на периферию социального прогресса.

Интенсивное осмысление роли рисков как присущих любой производительной деятельности происходило именно в ходе событий последних 10—15 лет. Как это часто бывает, импульс пришел со стороны — из технологической сферы. Выяснилось, что все большее число благ и технологических инноваций имеет статус "двойного назначения": удобрения и боевые отравляющие вещества, "мирный" и разрушительный атом и т.д. Наконец, когда в разных частях света произошли аварии на атомных станциях и подводных лодках, позже "подкрепленных" чернобыльской катастрофой, риски и опасности начали осознаваться как постоянный и неустранимый компонент любой человеческой деятельности, как созидательной, так и разрушительной.

В общественных науках необходимость пересмотра "прогрессивной" парадигмы социальных перемен в России признается пока лишь некоторыми исследователями. Например, Л.И.Абалкин подчеркивает, что "развал — это совершенно другая [экономическая] модель... Развал не несет в себе импульсов возрождения и подъема в отличие от циклического кризиса"¹. Мы имеем дело, утверждает Ю.Н.Давыдов, с "патологическим перерождением кризисного цикла", который обернулся для России "необратимой

¹ *Абалкин Л.И.* К самопознанию России. М.: Институт экономики РАН, 1995. С. 132

деградацией экономики в целом и общественным регрессом в точном смысле слова". И далее: есть границы макроэкономического равновесия, которые "категорически запрещено переступить, -если мы не хотим подвергать отечественную экономику смертельно опасному риску"¹. Наконец, уже на нынешней конференции Т.И.Заславская точно обозначила произошедшую "перемену знака" — от прозрачной экономики к теневой, от правопорядка к криминальности — как системный, т.е. качественный, сдвиг в российском обществе.

Основные характеристики

Итак, Россия становится обществом всеобщего риска. В чем это, с моей точки зрения, сегодня проявляется наиболее отчетливо?

Чернобыльская катастрофа была лишь глобальным и потому вынуждено публичным эмпирическим подтверждением моего основного тезиса. Однако вирус "всеобщего риска" имеет глубокие исторические корни в трудах коммунистических идеологов, разработавших проект радикальной трансформации российского общества. Насильственное разрушение любого социума и строительство из его обломков "нового общества" есть самый опасный риск. Коммунистическая доктрина и сконструированные в соответствии с ней социетальные структуры — главные виновники создания в России общества катастрофического типа. Совокупность навязанных этому обществу идеологических установок я назвал "Парадигмой системной исключительности" (или "системного превосходства"), базовый принцип которой — тотальное господство Системы над природой и человеком.

Поэтому десятилетие реформ я рассматриваю не столько как трансформацию российского общества, сколько как проявление, очередное "всплытие на поверхность" уже существовавшей рискогенной Системы. В самом деле, принципы ее функционирования остались прежними: накопление господствующей элитой власти (богатства, ресурсов жизнеобеспечения) посредством двойного процесса — интенсивной эксплуатации социальной и природной среды и сброса в нее рисков, технологических и социальных. Основное противоречие и главный источник производства рисков — Система против среды — сохраняется в современном российском обществе. Не случайно поэтому, российские реформы сегодня все чаще именуется идеологией и практикой необольшевизма.

¹ *Давыдов Ю.Н.* "Новый русский" капитализм в свете Кондратьевского понимания эволюции. М.: Международный фонд Н.Д.Кондратьева, 1998. С. 4—5, 14.

В чем конкретно проявляется это новое качественное состояние российского общества? На социетальном уровне, это прежде всего отрицательная социальная динамика: демодернизация, архаизация многих сфер общественной жизни. Причем речь не о возвращении патриархальных традиций или жизненного уклада, а об архаизации агрессивной, зиждящейся на насилии, порождающем чувства страха и бессилия.

Особенно тревожно то, что наука как социальный институт потеряла роль главного агента позитивных социальных изменений в обществе. Антиинтеллектуализм, пренебрежение к достижениям российских научных коллективов и школ не только распространены сегодня в обществе, но и поражают самое "тело" науки. "Образованщина" оказалась бессмертной!

Даже в сталинские времена с интеллектуалами вынуждены были считаться, поскольку они были нужны для строительства социалистической индустрии, укрепления обороноспособности и подготовки кадров. Сегодня время интеллектуалов закончилось, и ведущая роль в обществе окончательно перешла к силовым, теневым и криминальным структурам, которые, естественно, активно формируют вокруг себя соответствующую социальную среду и психологический климат. Таким образом, еще один признак общества всеобщего риска — это превращение социальной среды общества из поглотителя и нейтрализатора социальных рисков в их производителя. Собственно говоря, именно это произошло в рассматриваемый отрезок времени со многими социальными институтами — школой, армией, пенитенциарной системой.

О коррумпированности высших чиновников написано много, меньше о том, что она постепенно превратилась в этику повседневной жизни и тем самым разрушила этику напряженного и честного труда. Воровство и взяточничество стали нормой жизни.

Наконец, в течение прошедшего десятилетия российское государство и общество фактически потеряли свою независимость. За короткий срок необольшевики (они же либералы) добились того, чего не смогли сделать враги России за многие столетия. Риск повседневного существования в "долговой яме", а он уже запрограммирован нашими "реформаторами" на несколько поколений вперед, поистине всепроникающий, потому что он будет угрожать всем нам постоянно, со всех сторон. Результат, по опыту стран третьего мира, хорошо известен. Собственное производство благ и услуг будет подавляться. Запад будет размещать в России технологически второстепенные и наиболее грязные производства. Из производителей мы становимся просителями и вечными должниками. Правда, Ю.А.Васильчук, апеллируя к историческому опыту России, утверждает, что она, "про-

спавшая" две революции (промышленную 50—60-х годов и компьютерную 70—80-х годов), все же будет когда-то способна на нечеловеческий рывок в будущее¹. Однако в век "перерыва постепенности" такой импульс вряд ли возможен изнутри, тем более что данный автор ничего не говорит о том, откуда же возьмутся ресурсы для подобного взлета.

Коль скоро Россия все же вступила на путь зависимой модернизации, то не только ее продвижение вперед по этому пути, но и "застой", и отход назад становятся опасными, поскольку современные высокие технологии и связанные с ними социальные сообщества необходимо все время обновлять, поддерживать. А средств даже на поддержание достигнутого в советские времена уровня модернизации нет. Поэтому источниками смертельных опасностей стали в последнее десятилетие не только атомные реакторы, хранилища радиоактивных отходов или запуски космических устройств, но и самые "мирные" бытовые устройства (жилые дома, дороги, плотины, газопроводы).

Зависимость ведет к утере национальной идентичности. Курильчане и сахалинцы не против уйти под крыло богатой Японии. На калининградцев растущее давление оказывают немцы. Я уже не говорю о Чечне и других регионах Северного Кавказа. Внутри страны образовалось множество сообществ, которые, по существу, являются анклавами западного мира. Утеря национальной идентичности для России сегодня — риск всеобщий и стратегический. Я уже писал о том, что насильственная перекройка России в соответствии с либеральным проектом сопровождается выделением гигантских масс энергии социального распада. Но тогда речь шла о процессах внутри общества. Теперь же на повестке дня распад самой России. Последствия не предсказуемы ни для нее, ни в глобальном масштабе.

На уровне массового сознания и поведения перемены не менее впечатляющие. Главное — это изменение доминанты массового сознания: оно уже ориентируется не на достижение лучшего, а на избежание худшего. Произошла своего рода генерализация оборонного сознания на бытовом, повседневном уровне.

За прошедшее десятилетие резко возросло "непротивление" риску, опасностям. По сравнению с 1987—1991 гг. уровень массового протеста в стране резко снизился, хотя ни одна жизненно важная проблема ее населения не была решена. Иными словами, уровень социальной приемлемости риска резко воз-

¹ *Васильчук Ю.А.* Место и роль России в современной системе моделей социально-экономического и политического развития // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. Т.Л. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 31.

рос, что свидетельствует о подрыве фундаментального основания самосохраняющего поведения человека и общества. Долготерпение русского народа не ресурс "мирных" реформ, а симптом истощения его жизненных сил и, следовательно, угроза его существованию как этноса.

За десятилетие был полностью разрушен "кокон основополагающего доверия" (А.Гидденс), т.е. масса людей потеряла привычные точки опоры в социуме. Государство никого, кроме себя, не защищает, поэтому государству никто не доверяет. Обратная сторона этой медали — формирование электората, голосующего "против всех". Отсюда рост "негативных солидарностей" — политических, криминальных и др. Отсюда же борьба отдельных городов и регионов за статус зоны "экологического бедствия", поскольку только таким способом можно получить из государственной казны хоть какие-то средства на поддержание жизни вымирающих поселений.

Заключение

Подведем итог. Я называю нынешнюю Россию "обществом всеобщего риска", потому что за прошедшее десятилетие оно перешло к регрессивной модели социальной эволюции: возобладала стратегия выживания за счет проедания накопленных природных и человеческих ресурсов. В течение всего десятилетия производство благ снижалось, а производство рисков неуклонно возрастало. В конечном счете производство рисков охватило все сферы жизни общества и проникло во все его территории и регионы. Основные среды жизнеобеспечения человека постепенно трансформировались в среды жизнеразрушения. Для такого общества одинаково характерны риски-катастрофы с долговременными последствиями и повседневные "бытовые" риски. Ситуация перманентного пребывания в рискогенной среде нивелирует различие между нормой жизни и ее патологией — риск становится нормой повседневного существования. Общество всеобщего риска неспособно критически оценивать свою регрессивную динамику и в конечном счете теряет контроль над нею. Реакцией на ситуацию хаоса и всеобщего риска является, с одной стороны, атомизация общества, а с другой — формирование риск-солидарностей, т.е. человеческих сообществ, ориентированных на самозащиту и выживание. Общество, неспособное адекватно реагировать на подрыв всеобщих оснований своей социальной жизни — умножение богатства путем производительной деятельности и сохранение среды своего обитания, — исторически обречено на угасание.